

А.В.Шестопал

Ибероамериканистика: смена поколений — смена парадигм

К 70-летию В.М.Давыдова

В основе статьи — доклад автора на международной конференции «Россия и Иbero-Америка в глобализирующемся мире: история и современность», состоявшейся в Санкт-Петербурге в сентябре 2013 г. В материале рассматриваются особенности формирования, развития и смены поколений в отечественной и зарубежной ибероамериканистике второй половины XX — начала XXI вв., их отличия и преемственность.

Ключевые слова: ибероамериканистика, поколение, парадигмы социальной мысли.

Прежде чем размышлять о поколениях в ибероамериканистике, следует определить, что мы понимаем под поколением вообще и, особенно, под поколением социальной мысли. Для традиционного общества характерен возраст. В обществах модерна и постмодерна, при сохранении определенных возрастных рамок поколения, центр тяжести переносится на событийные характеристики: вокруг каких событий — экономических, политических, культурных — складывается то или иное поколение. При событийном подходе принадлежность к тому или иному поколению во многом становится проблемой выбора индивида, составляя важную часть его личностной самоидентификации.

Проблема выбора присутствует и в определении важнейших стадий, которые проходит поколение по мере своего становления и развития. Первая стадия: выбор проблем, размежевание с предыдущим поколением. Вторая стадия: выбор решений, размежевание внутри поколения. Третья стадия: выбор оценок (и самооценок), поиск своего места в традиции и размежевание со следующим поколением. Каждый из таких выборов и размежеваний может быть как взаимообогащающим диалогом, так и взаиморазрушающей конфронтацией.

Алексей Викторович Шестопал — доктор философских наук, профессор, председатель совета Ибероамериканского центра МГИМО-Университет МИД России (kfingimo@gmail.com).

В нашем случае речь пойдет о поколении в ибероамериканистике, сформировавшемся в 60—70-е годы XX в. Это поколение в возрастном плане приблизилось к рубежу 70-летий и остается творчески активным, но вместе с тем вступило в полосу самооценок и подведения итогов.

Предыдущим по отношению к нашему поколению было поколение, сформировавшееся в рамках парадигмы «доиндустриальное — индустриальное общество». В социальной мысли стран Иberoамерики это поколение было представлено школами «десаррольистов» и «индепендентистов». В отечественной ибероамериканистике доминировала концепция «периферийного зависимого капитализма», где в разработке экономической проблематики лидировала школа В.В.Вольского, а социологическая и политологическая проблематика получила отражение в трудах А.Ф.Шульговского, Б.И.Ковалья, С.И.Семенова и их соавторов. Особенно хотелось бы отметить многотомное издание по социальной структуре стран Латинской Америки, оказавшее влияние на возрождение отечественной социологии и политологии в целом¹.

Определенные противоречия между позицией Вольского и концепциями социолого-политологического триумvirата проистекали, на мой взгляд, из того, что Вольский исходил из классических марксистских представлений о капитализме и социализме как последовательных этапах индустриального общества, а Шульговский, Коваль и Семенов были склонны рассматривать капитализм и социализм как инварианты индустриального общества, способные переходить друг в друга.

Если говорить об институтах, имевших решающее значение для формирования поколения ибероамериканистов-шестидесятников, то прежде всего следует назвать Институт Латинской Америки АН СССР и журнал «Латинская Америка». К ним я бы добавил более скромное, но тоже важное предприятие, возникшее на месяц позже ИЛА (т.е. в мае 1961 г.). Речь идет о Постоянном латиноамериканском семинаре студентов, организованном при поддержке ИЛА, МГУ, МГИМО, Студенческого совета СССР на базе Дома дружбы с народами зарубежных стран.

В Дом дружбы мы и пришли, поступив в том году на первый курс МГУ, МГИМО, Института иностранных языков и других московских вузов. Владимир Давыдов поступил на экономический факультет МГУ, я — на факультет международных отношений МГИМО. В Москве тогда училось множество латиноамериканцев. Все это море бурлило, спорило, пело, танцевало. Вскоре на наши заседания и вечера стали приезжать ребята из Ленинграда. На день, на два. Селили их в студенческих общежитиях. А в январе 1963 г. наша большая московская группа приехала на зимние каникулы в Ленинград и была гостями Ленинградского университета. Опекали нас научные консультанты семинара: В.В.Вольский (МГУ), С.А.Гонионский (МГИМО), А.Ф.Шульговский (ИЛА).

Поколение ибероамериканистов-шестидесятников складывалось в рамках парадигмы «индустриальное — постиндустриальное общество», причем если СССР опережал страны Иbero-Америки по развитию высоких

технологий, то ибероамериканская социальная мысль опережала советских аналитиков по осмыслению экономических, социальных, политических последствий распространения этих технологий. В странах Иbero-Америки размежевание внутри поколения породило многочисленные гуманитарно-демократические модели (в том числе те, которые стали основой гуманистических партий и движений) и технократические модели (интегрально-элитарная школа и т.п.).

Формирование послевоенного поколения проходило в условиях жесткой конфронтационной политической философии, раскалывавшей мир на два противостоящих лагеря. Сама постановка общечеловеческих глобальных проблем была в тех условиях крайне затруднена идеологическим противостоянием. Общественная активность и теоретические поиски нашего поколения в большей степени определились ходом научно-технической модернизации и ее последствиями — экономическими, социальными, политическими, культурными. Как взять «барьер высоких технологий», какие социально-экономические, политические, культурные модели способны обеспечить переход к постиндустриальному, информационному обществу, наиболее адекватны его технологическим структурам? Вот над какими вопросами билась политическая и научная мысль последних десятилетий и в развитых, и в среднеразвитых, и в слаборазвитых странах.

Из решений этих вопросов в мире сложилось два социально-политических, философских глобальных проекта. Один проект условно может быть назван авторитарно-технократическим. Суть его состоит в том, чтобы на технологический вызов отвечать технологическими решениями. В преодолении кризисных, переходных ситуаций он делает ставку на мощь новых технологий и на организационные способности авторов этих технологий — на специалистов-технократов.

По логике сторонников этого проекта, в поисках технологической эффективности можно и должно пойти на значительное ограничение, демонтаж механизмов демократического участия и контроля в различных сферах общественной жизни. Человек с улицы, рядовой гражданин в лучшем случае может рассчитывать на рост потребления, но не на допуск к рычагам и кнопкам управления. Есть у этого проекта и специфический международный аспект, выражающийся в диктате мировых технологических центров, в обязательном принятии менее развитыми странами и регионами экономических, политических, культурных стандартов мировой технологической элиты. Авторитарно-технократический проект складывается из десятков моделей и окрашен в разнообразные идеологические цвета. Есть среди них и либеральные, и социалистические модели. Авторитарно-технократический социализм в китайском варианте перешагнул порог XXI в.

Другой проект может быть назван гуманитарно-демократическим. Главное в нем то, что, признавая ценности технологического порядка, он ставит на первый план человека. Человек, его благополучие — главная цель и мерило этого проекта, человеческие способности — основной потенциал общества, ищущего выход из глобального кризиса. Потенциал че-

ловческих способностей можно раскрыть, только преодолевая отчуждение человека, а, следовательно, не сужая, а расширяя сферу демократического участия в общественной жизни.

Речь идет, прежде всего, о демократическом контроле над введением и использованием новых технологий. Чернобыль, Бхопал² со всей очевидностью свидетельствуют о недостаточности узкоспециального, технократического контроля над новой техникой и информацией. Речь идет также о новой экономической политике, о гуманизации экономики в целом. Не производство ради производства в виде прибыли или показателей плана (за которыми стоят эгоистические интересы бюрократических кланов), а производство ради человека. Не либерализация (приватизация) либо этатизация (национализация) как самоцель, но гуманизация, демократизация всех видов собственности.

Гуманитарно-демократический проект широко развернут к мировой политике, глобальным проблемам мирового сообщества, включает в себя разнообразные модели нового международного порядка. Новый международный политический, экономический, экологический, культурный, информационный порядок должен строиться на принципах демократического участия всех стран — больших и малых, богатых и бедных — в выработке решений, затрагивающих общие интересы, а также предусматривает гарантии против всех видов международного диктата и интервенций — от военных до экологических. Таким образом, речь идет не только о правах человека, но и о правах народа, о преодолении отчуждения не только на уровне индивида, личности, но и на уровне этноса, страны, региона.

В отечественной ибероамериканистике ядром концептуальных построений нашего поколения стала теория развития стран среднего уровня в глобальном постиндустриальном обществе, представленная трудами Давыдова и его школы³. Работы Давыдова и его сотрудников носят междисциплинарный характер и оказывают существенное влияние на развитие отечественной глобалистики, теории международных отношений в целом⁴.

Справедливости ради надо отметить, что Давыдов внес существенный вклад в становление нашего поколения ибероамериканистов уже на этапе складывания самой проблематики исследований. Его кандидатская диссертация «Научно-технический прогресс и проблема кадров высшей квалификации в Латинской Америке» (1973 г.) на десять лет опередила другие работы по схожей проблематике: П.Эррера Молино «Проблема научно-технической зависимости стран Латинской Америки» (1983 г.), Е.Ю.Штыканова «Технологический неокOLONиализм в Латинской Америке» (1985 г.) и др. В статьях Давыдова конца 70-х годов уже видны четкие контуры моделей постиндустриального общества в условиях стран среднего уровня развития⁵. А его монографию 1991 г. («Латиноамериканская периферия мирового капитализма. Очерки социально-экономического развития») я мог уже тогда с полным основанием определить как поворот к новому этапу в отечественной ибероамериканистике⁶.

На долю нашего поколения ибероамериканистов пришелся исторический рубеж между советским и постсоветским периодами в истории России. Наряду с многочисленными трудностями, проистекавшими из этих перемен, перед нами открылись новые возможности, в частности, в сфере сравнительных исследований. С определенным основанием можно сказать, что наша полноценная компаративистика ведет отсчет с конца 80-х — начала 90-х годов. Не так давно (для наших сверстников) страны Евразии и Латинской Америки рассматривались как «антиподы» колумбовых времен: зависимый слабо развитый капитализм в Латинской Америке и независимый развитый социализм в СССР. Потом в наших статьях и книгах появились рассуждения о среднеразвитом капитализме и среднеразвитом социализме и, наконец, речь пошла о среднеразвитых обществах в странах Иbero-Америки и на постсоветском пространстве в процессе постиндустриальной модернизации⁷. Компаративные исследования, проведенные российскими ибероамериканистами за последние два десятилетия, внесли существенный вклад в российскую транзитологию, обогатив ее опытом стран Иbero-Америки, по ряду параметров опережавших Россию и ее соседей в процессе вхождения в мировое постиндустриальное сообщество.

Размежевание с новым поколением ибероамериканистов, помощь нашим преемникам в определении своей проблематики и методологии исследований становится существенной проблемой для нашего поколения. Представляется, что новое поколение ибероамериканистов будет работать в системе перекрещивающихся парадигм: «постиндустриальное — постпостиндустриальное общество» и «секулярное — постсекулярное общество», где формационная и цивилизационная традиции будут либо контрастировать, либо взаимодействовать. Термин «постпостиндустриальное» (так же как «постпостмодерн») остается весьма неопределенным, однако, мне думается, что речь идет о высокотехнологичном обществе, где ведущую роль будут играть не финансово-экономические и не политические, а ценностные, духовно-нравственные подходы.

90-е годы XX в. вывели на авансцену те теоретические модели, которые большинством поколения «шестидесятников» воспринимались как маргинальные. Речь идет о концепциях, исходящих из принципов хаоса, непредсказуемости, «деконструкции», с одной стороны, и из принципов Божественного предопределения, сакральных оснований человеческой деятельности, — с другой. Думаю, что в итоге мы имеем более полный и сбалансированный портрет нашего поколения.

В начале XXI в. поколению «шестидесятников» приходится критически переосмысливать не только свой опыт, но и опыт предыдущих поколений, понимая теперь нашу глубокую внутреннюю связь с наследием всего XX, XIX и даже XVIII вв. Утопии Просвещения и наша классическая и неоклассическая наука покоятся на единых секуляризованных, конвенциональных основаниях. И сталкиваясь с духовными вопросами и вызовами нового поколения, сформировавшегося уже вокруг событий 1990-х—2000-х годов, мы

не можем довольствоваться формально-логическими конструкциями и технологическими ответами.

Глобальное информационное общество вступило в новую фазу. Роль обеспечивающих информационных технологий стала отходить на второй план. Вперед выдвинулись вопросы информационного содержания, культуры и языка как ее основного носителя. Лингво-информационные поля начинают превалировать в новом мировом порядке над традиционными экономическими и политическими полями.

Пользуясь терминологией мир-системного анализа И.Валлерстайна и надстраивая его систему категорий, можно сказать, что за 1990-е и 2000-е годы не только «мир-экономики» потеснили «мир-империи», но и сами «мир-экономики» оказались потесненными «мир-культурами». Гибкость и открытость культуры, сохранность ее ценностного ядра, пластичность и четкость языка становятся в современной ситуации основными национальными ресурсами, опережая по значимости сырьевые запасы и технологические наработки.

Последние два десятилетия серьезно изменили взгляды на аксиоматику культуры. Усилился интерес к сакральным основам культуры. Кризис конвенционализма, лежащего в основе современного международного права и системы международных отношений, и подъем мировых культурообразующих религий создают, наряду со многими трудностями и опасностями переходного периода, основу для нового мирового порядка, базирующегося на взаимном доверии и сотрудничестве и отвергающего баланс сил (страха) как условия международных отношений.

В Иbero-Америке новое поколение социальной мысли представлено неодесарролизмом и неоиндепендентизмом, альтернативным глобализмом и новым этапом «теологии освобождения». В отечественной ибероамериканистике мы имеем существенные заделы исследований по проблемам культуры и цивилизации, которые могут оказать неоценимую помощь нашим преемникам. Хотелось бы особо отметить работы В.Б. Земского и его школы, а также труды ИЛА РАН (в первую очередь энциклопедии «Культура Латинской Америки» и «Латинская Америка», в подготовке которых решающую роль сыграли Н.С.Константинова и Я.Г.Шемякин). Важное значение для развития методологии цивилизационных исследований Иbero-Америки имеют концепты «цивилизационной матрицы» и «цивилизационного ареала», сформулированные Давыдовым применительно к реалиям региона⁸.

Особо следует сказать о петербургской традиции в российской ибероамериканистике и ее роли для формирования нового поколения ибероамериканистов. Петербургская традиция имеет важное значение для определения каждым поколением российских ибероамериканистов своего места в так называемом Большом времени, потому что российская ибероамериканистика родилась в Петербурге, она неразрывно связана с именами Г.И.Лангсдорфа, Г.Г.Манизера, Ю.В.Кнорозова. В Петрограде осенью 1918 г. было образовано первое в России Общество изучения Южной Америки.

Характерной чертой петербургской ибероамериканистики является ее комплексный характер, объединяющий гуманитарные и естественно-научные дисциплины, подчеркивающие особую роль истории, географии, антропологии, этнографии. Эти черты отчетливо проступают в деятельности Кабинета ибероамериканской документации, созданного ИЛА РАН и СПбГУ и отлично демонстрирующего роль фундаментальной академической науки для высшей школы, для подготовки нового поколения специалистов⁹.

На памяти нашего поколения отечественная ибероамериканистика преодолела немалые трудности. Одни из них были связаны с «воздушной ямой» в отношениях между Россией и странами региона после развала СССР. Хорошо помню как в конце 1992 г. мы с моим другом, бывшим послом в Коста-Рике Вадимом Леонтиевичем Розановым вернулись с одного высокого совещания, где было прямо сказано, что Латинская Америка не входит в сферу национальных интересов России и что нам надо оттуда уходить. Обескураженные, мы пришли к одному из наших дипломатов-тяжеловесов Ростиславу Александровичу Сергееву, многолетнему послу в Мексике, а после возвращения — первому президенту Ассоциации выпускников МГИМО. «Так и так, — говорим, — надо что-то делать, к кому-то апеллировать». Сергеев говорит: «Апеллировать надо к себе, к друзьям и ко времени. Главное сейчас, чтобы не оборвалась традиция, не прекратилась подготовка специалистов по региону, по языку». Мы посоветовались с заведующей кафедрой романских языков Галиной Семеновной Романовой, пошли к ректору — Анатолию Васильевичу Торкунову и стали готовить собрание ибероамериканистов-мгимовцев: студентов, преподавателей, выпускников. Возник Ибероамериканский центр МГИМО. За 20 лет нашей работы мы получили большую помощь от ИЛА и от журнала «Латинская Америка»¹⁰.

За прошедшие годы ситуация в отношениях между Россией и Иbero-Америкой и взгляды российского руководства на Иbero-Америку радикально изменились. Это еще раз подтверждает, что между нашими регионами существуют мощное взаимное притяжение, глубокая цивилизационная, духовно-нравственная связь, не зависящие от колебаний идеологической, политической и экономической конъюнктуры.

Сейчас появились трудности другого рода. Они связаны с общим состоянием отечественной науки. Совсем недавно нам всем хотелось думать, что «минное поле» проблем, образовавшееся перед российской академической наукой в 90-е годы, мы, в основном, преодолели, и новой полосы подобных препятствий больше не будет. Вышло по-другому. Уверен, что ибероамериканистам не надо объяснять, кто и зачем расставляет новые ловушки на пути отечественной науки (а, следовательно, и образования), стремясь разрушить Академию наук, ее традиции и школы, обрекая тем самым Россию на роль сырьевого придатка мировых финансовых и технологических центров, подрывая ее безопасность, перечеркивая перспективу подлинной модернизации. Замалчивать смысл происходящего самоубийст-

венно. Наоборот, нам надо во всеуслышание, открытым текстом говорить об этих угрозах, ссылаясь на драматический опыт стран Иbero-Америки.

Думаю, что в такой ситуации отечественному сообществу иберо-американистов особенно потребуются сплоченность университетской и академической науки и тесное взаимодействие всех поколений ученых и практиков-ибероамериканистов. Особую роль здесь может и должна играть Ассоциация исследователей ибероамериканского мира, которую возглавляет член-корреспондент Российской Академии наук Владимир Михайлович Давыдов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пролетариат Латинской Америки. М., 1968; Сельские трудящиеся Латинской Америки. М., 1972; Средние городские слои Латинской Америки. М., 1974; Господствующие классы Латинской Америки. М., 1978.

² Катастрофа, связанная со взрывом крупнейшего химического комбината в Индии.

³ Сам В.М.Давыдов оценивает свой вклад в определение типологических черт общественно-экономического облика стран ЛКА как отход от однолинейного детерминизма и построение концепции «многовариантности развития стран региона в рамках общей для них и исторически обусловленной периферийности» (В.М.Давыдов, Б.Ф.Мартынов. Полвека в авангарде латиноамериканистики. — Иberoамериканский мир в трудах отечественных исследователей. 50 лет работы ИЛА РАН. М., 2011, с.13). Мне думается, что наши определения не противоречат, а дополняют друг друга.

⁴ В.М.Давыдов. Перспективы БРИК и некоторые вопросы формирования многополярного мира. М., 2008; В.М.Давыдов, А.В.Бобровников. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении). М., 2009; Латино-Карибская Америка в контексте глобального кризиса. М., 2012.

⁵ Например: В.М.Давыдов. Взаимодействие науки и производства на периферии капиталистической системы. — Латинская Америка, 1979, № 4.

⁶ А.В.Шестопал. Латиноамериканистика в Евразии: новая оптика. — Латинская Америка, 1992, № 12.

⁷ См.: В.М.Давыдов. Эффект адаптационного реформирования. От Латинской Америки к России. М., 2002.

⁸ В.М.Давыдов. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М., 2006.

⁹ И.Н.Новиков а. Иberoамериканистика в Санкт-Петербурге. К 10-летию Кабинета иberoамериканской документации СПбГУ. — Латинская Америка, 2012, № 7.

¹⁰ М.В.Ларионова. Иberoамериканский центр МГИМО: 20 лет подготовки профессионалов. — Латинская Америка, 2013, № 6.